№10
2009
Вестник
Свердловского отделения СТД РФ (ВТО)

СПЕЦВЫПУСК

ХУДОЖНИК ОЛЕГ БЕРНГАРД

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОКИ (1909 - 1926) 2
МОЛОДОСТЬ (1926 - 1942) 6
ИСПЫТАНИЯ (1942 - 1953) 10
ЗРЕЛОСТЬ (1953 - 1980) 16
МУДРОСТЬ (1980 - 1998) 20
ВЫСТАВКИ
Каталог выставки к 50-летию 22
Каталог выставки к 60-летию 23
Каталоги зарубежных выставок 26
ПУБЛИКАЦИИ
Старые истории новых картин 28
Жил-был художник. Прошлое возвращается 29
История с натуры 30
Собрание музея художников Екатеринбурга 32
К 100-ЛЕТИЮ ХУДОЖНИКА
Писал природу и стройки Тагила 33
Конверты первого дня 35
Век художника дольше века 36
Мастер лирического созерцания 38
ПРИЛОЖЕНИЕ
Картины, с юбилейной выставки в Доме актера 40
Картины из собраний уральских музеев 46
ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ 52

На обложке: «Огни Тагила». 1951. Картон, масло.

Дорогие друзья, коллеги, Союзники!

Так получилось, что картины одного из самых известных и почитаемых живописцев нашего города Олега Эдгардовича Бернгарда вот уже почти 15 лет наиболее полно представлены в постоянных экспозициях в Галерее ДА (Дома актера).

В этом есть своя логика. Олег Бернгард – сын известного в России театрального художника середины прошлого века Эдгара Антоновича Бернгарда, заслуженного деятеля искусств Чечено-Ингушской АССР. Да и сам Олег Эдгардович начинал свой творческий путь на сцене – в Свердловском театре оперы и балета, работал главным художником в Нижнетагильском драматическом театре, в театре кукол.

А в первый год Великой отечественной войны в стенах нашего дома выпускал «Окна ТАСС» и плакаты «В бой за Родину!».

И вот, спустя более полувека, картины Олега Бернгарда снова в нашем Доме. Это удивительно, это замечательно!

После открытия юбилейной выставки первыми посетителями ее стали участники Фестиваля искусств стран-участниц Саммита Шанхайской организации сотрудничества, отдельная экскурсия была организована для министров культуры, приехавших к нам из ближнего и дальнего зарубежья, в гостиных первого этажа, где размещена экспозиция, проходила OFF-программа Международного театрального фестиваля «Коляда-PLAYS».

Поэтому, отдавая должное Мастеру, наше Отделение посвящает Олегу Бернгарду специальный выпуск Вестника «8 Марта, 8. Дом актера» в формате дайджест-каталога. Приглашаем вас в нашу Галерею, в музеи города, где бережно хранят работы выдающихся мастеров уральской живописи.

Всегда ваш,

Председатель
Свердловского отделения СТД РФ (ВТО),
лауреат премий А.Яблочкиной и П.Роддэ
Владимир МИШАРИН

Главный редактор Владимир Мишарин.
Выпускающий редактор Виталий Аверьянов.
Фото: Студия «ВиД»
Адрес редакции: 620014 Екатеринбург, ул. 8 Марта, 8. Дом актера. **Тел.:** (343) 371-89-66, 371-56-00.
Факс: (343) 371-90-22. **E-mail:** domaktera@k66.ru.
Сайт СТД РФ (ВТО): http://stdrf.ru
Официальный театральный портал Свердловской области: www.domaktera.ru

Наш партнер –
ООО «Бюро газетной доставки «Станция вольных почт»

Курьерская доставка, распространение печатных изданий, адресная и безадресная почтовая рассылка.
На рынке - 10 лет.
620062 г.Екатеринбург, ул. Ленина, 97а.
Тел/факс: 345-03-59, 345-04-38, 345-04-39.
E-mail: svp@freepost.ru www.freepost.ru

Издается в рамках программы государственной и общественной поддержки развития театральной деятельности, которую реализует СТД РФ (ВТО) под патронатом Президента России при поддержке Министерства культуры Российской Федерации

Журнал «Вестник «8 марта, 8. Дом актера» зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу. ПИ№ ФС11-0961 от 23 ноября 2006 года. Периодичность 10 выпусков в год. Распространяется бесплатно: почтовой рассылкой членам СТД РФ, в региональные отделения СТД РФ, в театры Свердловской области, в органы государственной власти всех уровней; на фирменных стойках в театрах Екатеринбурга, в Екатеринбургском Доме актера. Отпечатано в типографии «Сити принт», г. Екатеринбург, ул. Посадская, 16-а. Подписано в печать 10 сентября 2009 г. Тираж 550 экз.

ИСТОКИ

(1909-1926)

На рубеже XIX и XX веков для многих русских художников наступило время исканий. Академизм, изживший себя, ставший настоящей уздой для изобразительного искусства, окончательно пал под натиском передвижников. Но молодым становилось тесно и в этой, еще недавно казавшейся такой свежей струе. Кое-кто из них засматривался на образцы новейшей западной живописи, а самые нетерпеливые поторопились встретить свою «творческую весну» в немецком Мюнхене, где большой популярностью пользовалась школа Антона Ашбе. Сюда же устремился и выпускник петербургского реального училища Богинского – Эдгар Бернгард.

Эдгар Бернгард
в годы учебы в Мюнхене

Эдгар поступил в Академию художеств и одновременно посещал уроки в школе Ашбе. Годы ученичества плавно перетекли в годы творчества, но Мюнхен, всегда нарядный, оживленный, в котором художественная жизнь так и кипела, не отпускал от себя. Бернгард продолжал совершенствоваться в рисунке, изучал историю театрального костюма и опыт лучших мастеров оформления сцены. Не чурался молодой человек и светской жизни, благо средства, присылаемые из Петербурга, позволяли следовать веяниям моды.

В Мюнхене он встретил и свою любовь.

Ванда Тшаска

Польская пианистка Ванда Аниела Тшаска только что окончила Мюнхенскую консерваторию. Дочь нотариуса и адвоката из небольшого городка Плешен привлекала не только удивительно нежным лицом, увидев которое, трудно забыть, но и талантом. Консерваторию она закончила с серебряной медалью и в короткий срок снискала популярность как исполнительница. Слушатели неизменно устраивали овацию, когда смолкали последние звуки шопеновских вальсов, баллад, этюдов.

Ванда Тшаска-Бернгард
после концерта.
1907 г.

Как судьба свела этих двоих? Скорее всего, в кружке такой же, как и они, творческой молодежи. Ванда Тшаска общалась не только с музыкантами, но через свою приятельницу, жену профессора Академии художеств Франца Штука, которого и до сих пор в Мюнхене

именуют «королем художников», была знакома со студентами и выпускниками академии. Может, знакомство состоялось и как-то иначе. Но 23 июня 1908 года Ванда и Эдгар венчались в церкви святого Марка.

Молодая чета сняла дом, где у каждого был «заповедный уголок»: музыкальная комната с роялем, позднее с двумя, – у жены; ателье с мольбертом, красками, холстами и картонами – у мужа. А через год в доме появилась и еще одна «заповедная территория» – детская. У молодой четы родился сын Олег Антон, на крестины которого из Петербурга поспешила бабушка. Счастливую и размеренную жизнь дома оборвал август 1914 года. Война!

Для немцев же с первых дней войны все приехавшие из России подозрительны, они превратились в потенциальных врагов. Началась настоящая антирусская истерия: кого-то высылали из страны, кого-то интернировали в лагеря. Угроза нависла и над домом Бернгардов. Ночью неизвестные изрезали входную дверь, вывели на ней крупными буквами: «Смерть русским шпионам!».

Влиятельные друзья Ванды Антоновны помогли получить выездную визу и одновременно уговаривали ее остаться, пугая дикостью России, уверяя, что там она загубит свой талант. Молодая женщина не слушала уговоров. Уходили из дома тайком, поодиночке, с документами друзей. Но уходили все трое. Их сын уже на склоне лет скажет: «Это любовь. К тому же, не принято было бросать мужа в беде».

Детский рисунок Олега

Около года семья прожила в Берне, затем кружным путем через Францию, Англию, Норвегию и Финляндию перебралась в Петербург, уже переименованный в Петроград, чтобы духа немецкого не оставалось даже в названии.

Такими Ванда Антоновна и Олег приехали на Урал.

Когда директор Екатеринбургского музыкального училища, бывший наездом в Петрограде и услышавший игру Ванды Антоновны, предложил давать на Урале концерты и вести фортепианный класс, на семейном совете было решено принять приглашение. Условились, что при первой же возможности Эдгар Антонович присоединится к семье.

Но напрасно Ванда Антоновна хлопотала о месте театрального художника для мужа, напрасно сын выбегал на улицу, ведущую к вокзалу, посмотреть, не идет ли отец. В 1918 году Эдгара Антоновича мобилизовали в Красную Армию. Вместо театральных декораций и эскизов костюмов он писал теперь лозунги и плакаты для красноармейских клубов, выполнял задания политпросвета Балтфлота.

Увидятся они только в 1929 году, когда Ванда Антоновна с сыном приедут погостить в Ленинград.

Эдгар Антонович расспрашивал Олега о театральной жизни Свердловска, рассказывал о ленинградских постановках, советовал, как лучше использовать сценическое пространство, следовать замыслу режиссера, не поступаясь собственным видением, и дарил

ценные книги по истории искусств, архитектуры, костюма.

Имя Эдгара Антоновича было уже известно в театральных кругах. Конечно, в красноармейских клубах и политпросвете Балтфлота, где служил Бернгард-старший, когда его призвали в Красную Армию, воплощать творческие идеи, заложенные Мюнхенской академией художеств, было сложно, а то и просто невозможно. Поэтому, получив в 1921 году «бессрочный отпуск по возрасту», Эдгар Антонович с головой окунулся в работу в передвижной мастерской драмы и комедии и Государственном театре комической оперы в Ленинграде, будто старался наверстать упущенное. В семье хранится несколько папок с его эскизами декораций, костюмов и планами сцены к спектаклям, макеты. Они поражают филигранностью исполнения, тщательностью проработки мельчайших деталей, какой-то особой изысканностью. Обращает на себя внимание и то, что где бы Эдгар Антонович ни работал: в Казанском академическом театре, в театрах Николаева или Пятигорска, Ростова-на-Дону или Кишинева, Грозного или Таганрога (заслуженный деятель искусств Чечено-Ингушетии Э. А. Бернгард много поколесил по стране) – его сердце всегда отдано классике. Молдавские театральные сезоны стали последними в его скитальческой жизни.

Театральный мир Эдгара Бернгарда

Открыл же безбрежный, полный тайн мир природы, жаждавшему живописных впечатлений подростку И. К. Слюсарев. Уступив настояниям сына, Ванда Антоновна упросила его, уже художника с именем, принять Олега в число своих учеников.

Стоя за соседним этюдником, Иван Кириллович то и дело откладывал кисть, чтобы посмотреть, что получается у новичка.

– А получалось, – не скрывал Олег Эдгардович, – совсем неважно. Первые мои работы были убогие, черноватые.

Опеку над начинающим Слюсарев не считал

пустой тратой времени. Он терпеливо поправлял огрехи в «художестве» ученика и, если тот проявлял самостоятельность, всегда готов был подбодрить, объяснял азы живописи и учил чувствовать смену состояний в природе.

Они писали то в новом ракурсе старую плотину в селе Боярка, то каменную гряду близ Палкино, то устраивались с этюдниками в любимом уголке на Уктусе... Иван Кириллович умел выбрать живописный мотив.

Совместные вылазки на этюды не прекратились и когда ученичество Бернгарда осталось позади. Общение обогащало обоих, тем более, что оба совершенствовались в мастерстве у известного русского пейзажиста Л. В. Туржанского, за плечами которого была школа В. А. Серова и К. А. Коровина.

– Схватить мотив, передать состояние – вот главное, – наставлял Леонард Викторович молодых, которые, как в школьный класс, являлись к нему в Малый Исток.

На палитре мастера, вспоминал Олег Эдгардович, обычно громоздились горы красок, из которых он умудрялся извлекать сложный и благородный цвет. И ученикам не уставал повторять, что чистых красок в природе нет потому нужно приучать глаз видеть и гармонию их, и нюансы. Не потому ли, что глаз Леонарда Викторовича «был приучен», в одном и том же мотиве утром он видел один образ, днем – другой, вечером – третий.

Резко изменилась география поиска мотивов. Если с Иваном Кирилловичем исходили вдоль и поперек окрестности Екатеринбурга и сам город, то с Туржанским никогда не покидали пределы Малого Истока. Его живописные мотивы «паслись» прямо под окном мастерской: коровы, лошади, куры, таились в старом заросшем парке и на полупустынном Сибирском тракте. Леонард Викторович умел разглядеть красоту в самом обыденном.

«Никогда не думал, – признается О. Э. Бернгард в книге, посвященной творчеству учителя, – что стану пейзажистом, а после знакомства с Туржанским я уже не представлял себе другой жизни».

Леонард Викторович Туржанский и Иван Кириллович Слюсарев в Малом Истоке.
1920-е годы.

молодость

(1926-1942)

В мае 1928 года в Свердловске состоялась областная выставка творчества художников Урала. Среди четырехсот произведений на ней не затерялись этюды и натюрморт восемнадцатилетнего Олега Бернгарда, против фамилии которого в каталоге значилось: «ученик». Один из пейзажей прямо из выставочного зала приобрела картинная галерея.

Уже в этих работах старшие коллеги отметили то, что будет присуще более зрелому мастеру: не слепое любование природой, а стремление передать смену ее состояний, ее внутреннюю, видимую лишь очень наблюдательному глазу жизнь. Отметили и... предложили принять Бернгарда в АХРР – Ассоциацию художников революционной России. А в марте 1932 года вышло постановление ЦК партии «О перестройке литературно-художественных организаций». Тогда-то и нача-

Одна из первых живописных работ. Малый Исток. 1926. Картон, масло. 35х44.

лась сортировка на «чистых» и «нечистых», ибо членство в Союзе во многом зависело от того, как художник отвечал на вопросы, пишет ли он реалистические картины, следует ли линии партии в искусстве, в каких выставках участвует. За сортировкой последуют и модные по тем временам «чистки».

– Нас воспитывали, собирали в обкоме для собеседований, учили, как писать картины, призывали посвящать кисть тому или иному событию, памятной дате. – Для художника, впитавшего вольный дух и традиции передвижников, такая «учеба» была столь же тягостна, как и для его учителей.

Но это придет позднее. Время же вступления Бернгарда в самостоятельную творческую жизнь совпало с периодом, когда в пестром художественном мире, несмотря на различные манифесты и дискуссии, на равных творили последователи различных, порой непримиримых друг с другом течений. Не приемля взгляды одних, молодой художник внимательно прислушивался к мнению других, присматривался к их манере письма, красочной палитре: он искал свою нишу, свою тему, свои приемы и колорит.

Но сколь бы много и плодотворно ни трудились художники, живопись не могла прокормить: картины почти не покупали. Приходилось браться за заказы на оформление, преподавать в школах и училищах, перебиваться частными уроками.

Таким Олег Бернгард вступил в самостоятельную творческую жизнь

Армейские сборы. 1930-е годы

– Живопись оставалась нашей отдушиной, нашей любовью. Заработаешь какую-то сумму и недели на две, на месяц едешь на этюды, – делился О. Э. Бернгард, вспоминая о поездках в Жигули на Волге, подмосковное Лианозово, деревню Подволошную, на Чусовую.

Похоже, не зря опасалась за будущее Ванда Антоновна, скептические прогнозы грозили сбыться. Но сыну повезло. Его приняли в театр оперы и балета имени Луначарского краскотером и учеником декоративной мастерской с месячным окладом 13 рублей. И началась работа чуть не круглыми сутками, особенно, когда приближался день премьеры.

В декоративной мастерской готовили реквизит. Большие занавесы сплошь и рядом пи-

Олег Бернгард со своим учителем Леонардом Викторовичем Туржанским. 1920-е годы.

сали прямо на сцене, причем, как правило, ночами, потому что днем шли репетиции. Потом начинались монтажные репетиции... Молодость позволяла легко выдерживать бешеный темп, к тому же рядом были доброжелательные наставники: художник Александр Васильевич Дубровин и второй художник Виктор Петрович Елисеев. Скоро новичок наравне с декораторами Шиваревым и Сусловым включился в оформление «Аиды» и «Псковитянки».

Уйдя тогда из театра оперы и балета, двадцатилетний художник оказался перед проблемой, как зарабатывать на жизнь. Он не отказывается ни от какой возможности: руководит изокружком в клубе строителей, работает в издательстве «УралОГИЗ», выполняет оформительские заказы.

В тридцатые годы получает большое развитие новый жанр – изобразительный репортаж. И случилось так, что они удачно встретились: художник и время. Бернгард как раз под влиянием своего друга и сверстника Николая Аввакумова увлекся графикой. Они постоянно вместе ходили на этюды и зарисовки, особенно зачастили на строительную площадку Уралмаша, где тайга день за днем отступала перед мощными конструкциями будущих цехов и где людей объединил общий порыв возвести завод, какого еще не было.

Политическая карикатура. «Уральский рабочий». 1933 год.

А для Бернгарда наступает новый этап жизни – он занимается планировкой и художественным оформлением свердловских магазинов – таких больших, как универмаг «Пассаж» и гастроном на улице Вайнера, и мелких, числившихся лишь под номером, кафе, парикмахерских. Молодой художник скоро приобрел не только опыт, но и авторитет в этой области. Именно ему предложили разработать проект архитектурного и художественного оформления будущего Уральского геологического музея.

Эскизы к работам на индустриальную тему. 1930-е годы

После визита делегатов Международного геологического конгресса музей открыли для посещения всех желающих. А Бернгарда ждал очередной проект. С 10 октября 1939 года он работает в Свердловском областном Доме крестьянина художественным руководителем сельскохозяйственной выставки.

Под руководством Олега Эдгардовича приступают к осуществлению проекта. Но художник остается художником. За проектной и оформительской работой он не может отрешиться от главного: каждая свободная

минута отдана большому историческому полотну «В подвалах Невьянской башни».

Темой послужила долго бытовавшая легенда (а может исторический факт?) о том, что Демидов велел открыть шлюзы и затопить в подземелье монетчиков, тайно чеканивших серебряные демидовские рубли, как только пожалует с инспекцией офицер от горного ведомства. Уже были готовы десятки эскизов и этюдов, когда Олег Эдгардович решил, что некоторые из них не стыдно показать на выставке в Свердловском Доме работников искусств.

1930-е годы.

И вот работа завершена. Картина сразу привлекла внимание, ее растиражировали открыткой. И хотя черно-белое фотографическое изображение не могло передать зловеще-тревожный колорит, оно доносило до зрителя динамизм действия и трагизм события. Бернгарду заказали авторские повторения. Так картина оказалась сразу в Серове, Нижнетагильском краеведческом и Невьянском музеях.

В подвалах Невьянской башни. 1940. Бумага, масло.

ИСПЫТАНИЯ

(1942-1953)

И опять война! На общем собрании членов Свердловского отделения Союза советских художников 5 июля 1941 года, где речь шла о «перестройке творческой работы на оборону страны», Олег Эдгардович говорил: «Нужно организовать работу так, чтобы она шла быстро и четко. Должна быть крепкая организация бригад и четкое распределение обязанностей, не должно быть никаких отказов». Тогда же было решено направить в редакцию газеты «Уральский рабочий» для оперативного выпуска агитвитрин самого Бернгарда, его давнего друга Виктора Семеновича Зинова и Екатерину Владимировну Гилеву. Они начали выпуск «Окон ТАСС» и плакатов «В бой за Родину!». Многие из этих оперативных художественных откликов на важнейшие события на фронте и в тылу создавались в небольшой комнатке нынешнего екатеринбургского Дома актера, где к уральским коллегам присоединился эвакуированный из Москвы известный график Петр Яковлевич Караченцов (отец актера Николая Караченцова). Но уже в марте 1942 года Олег Эдгардович оказался в Нижнетагильском лагере в спецотряде 18-14.

История повторялась с точностью до наоборот. В первую мировую войну Эдгара Бернгарда депортировали из Германии, поскольку посчитали русским. Во вторую мировую войну его сына в Советском Союзе выслали в трудовую армию лишь за то, что родился в Мюнхене и носил немецкую фамилию. Вчерашний художник оказался разнорабочим на заводе, выпускающем кирпич.

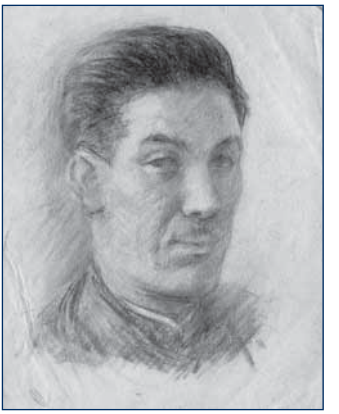
Но как бы ни был тяжел и непривычен труд у обжиговой печи, усталая рука тянулась к карандашу и кисти (Бернгард не забыл положить их в веще-

вой мешок вместе с красками). Он считал, почему могут быть «Окна ТАСС» и не может быть агитвитрины за колючей проволокой? Разве здесь не хотят так же сильно победы над врагом, не работают для этого? И с дозволения руководства кирпичного завода Бернгард вывесил в столовой тайком нарисованный плакат: кирпич, летящий сверху, пробивает каску фашиста, лицо которого перекошено от страха. Рисунок сопровождала красноречивая подпись: «Каждый сверхплановый кирпич — удар по врагу!».

Любопытно, что художнику градом посыпались заказы. Не на плакаты, нет. На портреты. Каждому хотелось послать свой портрет престарелым родителям, малолетним детям, чтобы не забывали, знали, как выглядит. Сходить к фотографу нечего было и думать, а тут под рукой свой «портретист» объявился. И Бернгард не отказывал, ведь и сам знал, как тоскует по нему Ванда Антоновна, как нелегко жене и маленькой дочке.

Слух о рисующем трудармейце долетел и до политотдела. Оттуда направили представителя посмотреть и оценить плакаты. «Смотрины» закончились коротким приказанием: «Собирайте вещи. И в кузов, той крытой машины, что идет на Федорину гору». Так же внезапно, как состоялось его превращение в разнорабочего, произошло теперь превращение в художника политотдела Тагилстроя—Тагиллага НКВД.

Бернгард очень много (это отличало его всегда) работает творчески. На металлургическом заводе строится мощная доменная печь, и художник с карандашом и блокнотом пос-


Портрет работника ВОХРа.

Портрет трудармейца.

В издательстве политотдела Тагистроя-Тагиллага НКВД. 1942 г.

всю жизнь. Вдвоем они выпустили массу «Окон сатиры». При том, что тексты и рисунки были остры, а подчас и язвительны, они не оскорбляли человеческого достоинства, и герои-виновники нередко просили лист ватмана себе на память.

Но заканчивался день, полный творческих поисков, общения с людьми, которых ждали дом, семья, а для него наступало время возвращаться в барак, за колючую проволоку. И только письма из Свердловска, полные материнских тревог, письма от друзей с фронта, из Союза художников, от коллег, которые приносил почтальон спецотряда – известный свердловский артист Павел Иванович Роддэ, скрашивали его несвободу.

А хуже было сотням трудармейцев вокруг: лишения они испытывали одни, но у Бернгарда оставалось любимое дело. Больше того, неожиданно появилась возможность общения с художниками, работавшими в годы войны в Нижнем Тагиле, с интеллигенцией города. В краеведческом музее готовилась, несмотря на ожесточенные бои на фронте, экспозиция к Дню Победы, а в бывшем Первомайском клубе приступили к созданию музея изобразительных искусств. И везде опальный художник был желанным консультантом, готовым тут же приступить к практическому осуществлению своих многочисленных идей.

Так началось сотрудничество Олега Эдгардовича с краеведческим музеем. Он не только

тоянно среди бетонщиков, клепальщиков, монтажников. Издательство политотдела строительства один за другим выпускает его плакаты: «Третья домна – Родине, фронту», «Мы можем и мы должны», «Шире соревнование в честь нашей победы!» и другие, ставшие сегодня музейной редкостью. Он иллюстрирует многотиражную газету «Сталинская стройка», придумав собственный «рецепт» изготовления клише (до этого газета практически сплошь заполнялась текстом). В этой работе родился творческий дуэт — остроумные стихотворные тексты к рисункам писала молодая выпускница Ленинградского университета, недавно вывезенная из блокадного города, известная сегодня уральская журналистка Тереза Аполлинарьевна Гржебинская, дружба с которой продолжалась

пишет панно для будущей выставки, но и много работает по оперативным заданиям научных сотрудников, обновляющих экспозиции, как копиист. В фондах Нижнетагильского музея-заповедника хранятся его копии с картин «Переселение крестьян на уральские заводы» Савицкого, «Черепанов на своем паровозе» Владимирова, «На старом уральском заводе» Иогансона и другие, авторское повторение полотна «Затопление Невьянской башни».

Передо мной каталог той художественной выставки, что открылась в 1945 году в новом музее изобразительных искусств Нижнего Тагила. В нем перечислены 82 живописные и 12 графических работ Бернгарда, представленные зрителям. Этюды, эскизы, картины, линогравюры, плакаты. «Художник, – особо обращают внимание составители каталога, – в своих красочных работах отразил интересные производственные моменты: «На стройке 3-й домны», «Завод имени Куйбышева», «Старый и новый Тагил» и др. Умело передает уральские пейзажи. Создал в дни войны много выразительных и сильных агитплакатов, которые в больших тиражах выпускались по предприятиям».

Закончилась война. Но... Трудовую армию демобилизовали, а ее «бойцов» Указом Президиума Верховного Совета СССР оставили «навечно в местах обязательного поселения выселенцев без права возврата к прежнему месту жительства». Нарушители карались по всей строгости советского закона.

Впереди еще сотни этюдов, заготовок к большим полотнам, картин, написанных в крупном промышленном центре Урала и его живописных окрестностях, работа преподавателем живописи и рисунка в Уральском училище прикладного искусства.

И судьба еще раз даровала ему шанс попробовать себя на театральном поприще, когда выпускники Ленинградской студии всем курсом приехали в Нижний Тагил и создали драматический театр.

Приехал с ними и главный художник. Однако скоро затосковал по северной столице, устал собирать декорации с бору да с сосенки: краски, материал – все проблема. Устал он и от неустроенности быта и от бессонных ночей: театр, не имевший собственного помещения, приютил клуб железнодорожников имени Горького, и днем сцена вечно оказывалась занятой. Замену уехавшему «главному» долго искать не пришлось: второй художник Бернгард показал, что может работать совсем неплохо.

– Меня назначили главным художником, и я провел пять-шесть постановок. – Это отры-

Работа в Нижнетагильском музее-заповеднике.

На стройке третьей домны. 1944. Картон, масло. 22,1х31,7. Нижнетагильский музей изобразительных искусств.

вок из «Театрального дневника», прозвучавшего по Свердловскому областному радио в марте 1997 года. Ведущий передачу Сергей Гамов беседует с О. Э. Бернгардом. – Ну, и что же? Это бесконечные дебаты, споры, даже ссоры с режиссером: он по-своему понимает, я – по-своему. Нет, что ни говорите, художник в театре не самостоятельный творец. Он целиком зависит от режиссера, от материальных условий театра, от всей ситуации театральной. При первой же возможности я от театра избавился.

Нижний Тагил. Лисья гора. 1944. Картон, масло. 22,2х31. Нижнетагильский музей изобразительных искусств.

Не повлияли на это решение успешная работа в театре кукол, который в самом конце войны открылся в Нижнем Тагиле, и премия комитета по делам искусств РСФСР, полученная за оформление бажовской «Огневушки-поскакушки». Как

и в тридцатые годы, желание заниматься живописью взяло верх...

Один из излюбленных уголков – Голый Камень. Здесь написаны десятки этюдов, здесь он увидел сюжет картины, ставшей этапной в его творчестве.

Был поздний вечер, когда, увязая в сугробах, Олег Эдгардович поднялся от речки Лебы к вершине Голого Камня. Открывшаяся панорама невольно заставила замедлить шаг. Сквозь заснеженные старые ели светили огни большого города, дыхание которого, кажется, доносилось сюда, за многие километры, напоминая, что лишь природа забылась зимним сном, лишь горная вершина погрузилась в тишину. Дальние всполохи огня были как всполохи памяти о тех, кто плавит металл в доменных и мартеновских печах, чьи лица запечатлены на его рисунках и этюдах. Словно желая усилить произведенный эффект, выплыла луна, заливая все вокруг призрачным зеленовато-желтоватым светом.

Стоим на том же самом месте тридцать лет спустя. И слушая рассказ Бернгарда, понимаю, что видим мы совершенно разные картины. Передо мной город в последних лучах жаркого августовского солнца, перед Олегом – огни заснеженного города-работника в тот неуловимый миг, когда вечер переходит в ночь. Миг глубокого потрясения красотой природы и жизни, миг, который удалось перенести на холст. Так рождались «Огни Тагила». «Эта картина, – не раз признавался заслуженный художник России, профессор Александр Филиппович Бурак, – во многом изменила меня как живописца. Ее масштабность, колорит заставили иначе взглянуть на собственное творчество».

И только в марте 1953 года Олегу Эдгардовичу разрешат переехать в Свердловск к старой больной матери, но при условии, что он немедленно явится в Свердловскую спецкомендатуру и встанет на учет.

Огни Тагила. 1947. Холст, масло. 111х198. Нижнетагильский музей изобразительных искусств.

ЗРЕЛОСТЬ

(1953-1980)

Оба учителя Бернгарда, а Л.В. Туржанский особенно, были большими мастерами пейзажа. И естественно, что над творческой колыбелью будущего художника звучали гимны красоте и гармонии природы, самой искусной из живописцев. И также естественно, что ученик пошел по стопам учителей. «Его пейзажи, – признавали в Союзе художников, – свидетельствуют о мастерстве и культуре живописца, в них невольно ощущаешь ту серьезную школу, которую прошел Бернгард у Туржанского».

На пленере.1960-е. Картон, масло.

Еще мальчиком, скорее всего инстинктивно, он почувствовал, как богато может одарить природа того, кто постигает ее законы, потому и рвался от стола, за которым занимался с Арнольдовым, к Слюсареву, чей этюдник стоял то на берегу реки, то на краю поля, то на каменистом уступе... И своих учеников потом Олег Эдгардович обязательно вывозил на пленэр, сутками пропадали они в окрестностях Нижнего Тагила, зато возвращались нагруженные свежими этюдами и богатыми впечатлениями.

Этюды художника, как записная книжка писателя или журналиста. Взглянул – и нахлынет череда воспоминаний.

Пейзаж – органическая часть многих полотен Бернгарда. Он существует не сам по себе, не как красивый фон или живописная деталь. Он – важное «действующее лицо», помогающее глубже раскрыть замысел художника. Достаточно взглянуть на картины «В далекой тундре», «На зорьке», «Трудный хлеб», «Геологи», «Мальчишки нашего двора», наброски коллективного портрета А. П. Чехова, А. М. Горького и Д. Н. Мамина-Сибиряка, другие работы Олега Эдгардовича, чтобы понять это.

Как пейзаж задумывался вначале и «Дом Ипатьева». Солнечный мартовский день, расписавший фасад причудливыми тенями еще

голых тополиных веток, по-новому открыл художнику с детства знакомый особняк. В сравнении с соседом – Харитоновским домом – он казался каким-то «архитектурным хаосом». И вдруг, как откровение: «Даже место, где свершилась кровавая трагедия, может быть по-весеннему красиво. В жизни всегда сочетается трагическое и вечное».

Дом Ипатьева. 1992.Холст, масло. 50х70.

Прямо с выставки пейзаж приобрел итальянский коллекционер Марко Датрино. Заинтересовались и екатеринбургские коллекционеры. Олег Эдгардович понял, что их привлек не просто красивый вид, не просто дом, который не пощадили человеческие амбиции и нож бульдозера. Для них он олицетворял «кусочек» истории, события которой переосмысливались заново.

И на одном из вариантов пейзажа появились дедушка с внучкой. Что вспоминает, о чем рассказывает на склоне лет этот человек? Может быть, о том, что памятно самому художнику?

Мальчишкой он видел дом инженера Ипатьева за высоким частоколом досок, за который так и тянуло заглянуть. Но не подойдешь: стоят солдаты с ружьями, да и мама строго-настрого запретила. Когда в этом доме создавался антирелигиозный музей, молодой художник десятки раз поднимался и спускался по лестнице, по которой прошли последний путь Николай II, Александра Федоровна, их дети и верные приближенные. Видел, как милиция разгоняла людей, приносивших цветы к замурованному окну комнаты, где свершилась расправа. В глубине души жалел невинных детей, но гибель царской семьи, как и у большинства людей, в его сознании оставалась лишь одним из фактов истории. Революция пролила слишком много крови.

Но вот стали открываться архивы, одна за другой последовали выставки документов и фотографий, появились книги и газетные публикации о жизни и последних днях Романовых. Устоявшаяся точка зрения на события июльской ночи 1918 года и предшес-

В мастерской. 1950-е.

На этюдах. Хоста. 1959.

твующие ей месяцы заточения царственных узников теперь таяла с быстротой весеннего снега. И на живописном полотне солнечный свет заслоняли тучи, пейзаж потеснился перед жанром. Вокруг дома поднялся тот забор из далекого детства, сквозь доски проглядывали солдатские ружья и глазок пулемета, красные революционные банты на грубом сукне шинелей. Тревожное предчувствие развязки повисло в воздухе. Это было уже не просто здание, преображенное весной, это был «Дом особого назначения», как именовали его в Уралреввоенсовете.

На целине. Эскиз.1950-е годы.

Эскиз к картине «А. Чехов, М. Горький, Д. Мамин-Сибиряк».

Городской пейзаж. Этюд. 1960-е годы.

В трудные годы. Н. Серьги. 1979. Картон, масло. 34х49.

Любопытная деталь. Картина не воспринимается как полотно историческое. Скорее всего потому, что процесс переосмысления нашего не такого уж далекого прошлого еще не окончен, знание о нем все еще неполно. А вот заказные работы, написанные, казалось бы, на злобу дня: «Утро Страны Советов», «У карты Восточного фронта» (к широко отмечавшемуся столетию со дня рождения В. И. Ленина), «Уходили комсомольцы» (к юбилею ВЛКСМ) – потеряли свою злободневность и перешел в разряд исторических.

Хранит верность художник и исторической теме. По заказу нижнесергинских металлургов Бернгард пишет картину, запечатлевшую восстановление завода после гражданской войны. На длинном санном пути – обоз с топливом для оживающих цехов. Тяжело груженные короба по накатанной дороге тянут не машины и не лошади (где им взяться в разруху?), в упряжках – люди. Мы не видим их лиц, но по осанке, одежде, характеру движений легко угадываем, кто они. И по тому, как движется обоз, как напряжены фигуры, какой плотной стеной идут люди в центре композиции, зритель ощущает тяжесть пути, неизбежность того, что он должен быть пройден, готовность нижнесергинцев пройти его. Ведь перед ними в морозной дымке встают металлургические цехи и город, которому завод дает жизнь.

На выставке. 1960-е годы.

Детальное знакомство с историей предприятия, наброски, сделанные на месте, эскизы, во множестве вариантов перепробованные в мастерской, помогли Олегу Эдгардовичу настолько реально воссоздать картину двадцатых годов, что заказчик принял полотно без единого замечания.

«Пейзажная полемика» вспыхивала и затухала еще не раз. А Бернгард продолжал писать на Чусовой и в Уфе, на Северном и Южном Урале, в окрестностях Екатеринбурга и Нижнего Тагила, в Крыму и на Кавказе. Его волновала природа самобытная, не окультуренная, не приглаженная, не слащавая.

Первобытной мощью дышит Урал на масштабном лирическом полотне с одноименным названием. Но могучие горы и деревья – лишь передний план. Где-то внизу, у подножья гор, мчится, мелькая далекими огоньками, поезд – символ новой силы, будящей дикий край. Будящей, но не покорившей. Это подчеркивают и композиция, и динамика картины: поезд пронесется, а горы, как стояли века, так и стоять будут.

Жаль, что это полотно, некогда достойно представлявшее свердловских живописцев на республиканском творческом смотре, одно из лучших в наследии Бернгарда, много лет недоступно широкому зрителю. Не удалось показать его и на выставке одной картины, которая задумывалась в галерее «ДА» Екатеринбургского Дома актера к пятидесятилетию возвращения художника из ссылки. С владельцем пейзажа – одним из НИИ – велись долгие переговоры, которые закончились провалом чуть не в самый последний момент.

На 50-летии своего ученика П.С. Бортнова. 1968 год.

Урал. 1950-е. Холст, масло. 170х294.

МУДРОСТЬ

(1980-1998)

На родной земле. 1985. Холст, масло. 100х200.

В последние годы и в пейзажах, и в картинах Бернгард все чаще обращается к философским раздумьям о жизни. Одна из лучших работ этого периода так и называется «Раздумье».

Старый охотник (кстати, Бернгард сам в молодости был заядлым охотником) мало зависим от литературного прототипа: замысел навеял рассказ Д. Н. Мамина-Сибиряка «Зимовье на Студеной». Просто человек остался наедине со своими мыслями, которыми и поделиться-то можно разве что с верным четвероногим другом.

Существует несколько вариантов этой картины. Художник всегда был требователен к себе, на склоне лет особенно. Он тяготился тем, что крайне редко может работать на пленэре, чувствовал, что рука не так тверда, как прежде, что на полотне не удается без потерь передать задуманное. И он безжалостно уничтожал «брак».

Картина обратила на себя внимание зрителей и была куплена приехавшим из Москвы меценатом, экспонировалась в Париже. Прямо

На этюдах. 1980-е годы.

Раздумье. 1980-е. Холст, масло. 60х80.

Леонард Викторович Туржанский.

с выставки в Доме художника авторское повторение «Раздумья» приобрел екатеринбуржец, пожелавший остаться неизвестным.

Только самые близкие да телевизионная камера группы, снимавшей фильм к юбилею Дома художника, увидели портрет его учителя, самые теплые чувства и искреннюю благодарность к которому Бернгард пронес через всю жизнь. Олег Эдгардович задумал показать Туржанского среди любимых мотивов. На свет были извлечены этюды, написанные в Малом Истоке, фототека (ученик, увлекавшийся фотографией, часто делал снимки учителя). Пейзаж дался быстро, по сути он был повторением давно пройденного, но не забытого. Крепко встала фигура за этюдником. А вот передать порыв, азарт, с которым работал Леонард Викторович, нередко писавший пейзаж всего за сеанс, не удавалось. Почти оконченная картина то вновь появлялась на мольберте, то скрывалась среди картонов, наводнявших мастерскую, пока совсем не исчезла. Недовольство собой было так велико, что автор не пожалел работу, которая значила для него, пожалуй, больше, чем другие. Но отступить от уже достигнутого, сделать шаг назад, подвести учителя он не мог.

Из семидесяти лет творчества О.Э. Бернгард редкий день не держал в руках кисть или карандаш. Лишь две работы остались незавершенными. Пейзаж – на этюднике. «Дом особого назначения» – на мольберте. Эту, такую важную для него, картину он спешил завершить к празднованию 275-летия Екатеринбурга. Не успел. По прихоти судьбы художник ушел из жизни в те дни, когда останки Романовых увозили в Санкт-Петербург, чтобы захоронить в соборе Петропавловской крепости.

Не стало художника. Остались картины, которые тысячи людей видят в музеях и любительских собраниях Урала, России, средневековом замке Италии, владелец которого – обладатель богатой коллекции советской живописи, и частной картинной галерее Лондона, художественных собраниях многих стран. Открывая зрителям неброскую красоту Урала и души уральцев, они живут, продолжая тем жизнь своего создателя Олега Эдгардовича Бернгарда.

Пишется картина «Дом Ипатьева». 1998.

Дом Ипатьева. 1998. Холст, масло. 65х100.

КАТАЛОГ ВЫСТАВКИ
К 50-ЛЕТИЮ О.БЕРНГАРДА

Своеобразная красота Урала, его дремучие леса и горы, его реки то своенравные и бурные, как Чусовая, то задумчиво-тихие, как наша, красавица Исеть, издавна привлекали внимание художников. Именно поэтому жанр пейзажной живописи занимает в творчестве уральских художников главное место.

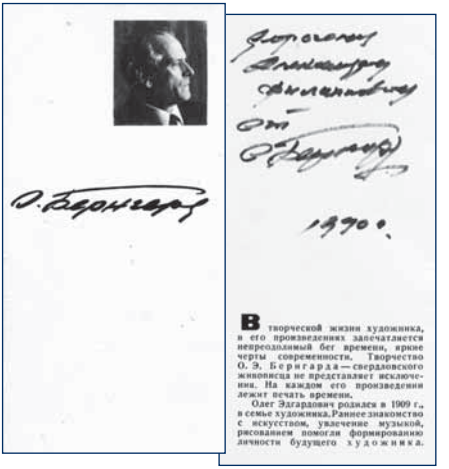
Денисов-Уральский, Туржанский, Слюсарев посвятили все свое творчество изображению родного Урала, создали запоминающиеся картины уральской природы. С такой же настойчивостью и любовью вот уже тридцать лет работает над уральскими пейзажами Олег Эдгардович Бернгард...

...Персональная выставка произведений О. Бернгарда, посвященная его пятидесятилетию – свидетельство роста его мастерства, зрелости его многогранного дарования художника. Его картины пользуются большим успехом у зрителей на областных и республиканских выставках. Они правдиво раскрывают суровую и строгую красоту Урала...

...За прошедшие тридцать лет своей творческой деятельности он своими произведениями оказал большое влияние на развитие пейзажной живописи на Урале, на формирование молодых художников-пейзажистов Свердловска и Н. Тагила...

Директор Свердловской картинной галереи
Я.Шаповалов

КАТАЛОГ ВЫСТАВКИ
К 60-ЛЕТИЮ О.БЕРНГАРДА


В творческой жизни художника, в его произведениях запечатлется непреодолимый бег времени, яркие черты современности. Творчество О. Э. Бернгарда — свердловского живописца не представляет исключения. На каждом его произведении лежит печать времени.
Олег Эдгардович родился в 1909 г., в семье художника. Раннее знакомство с искусством, увлечение музыкой, рисованием помогли формированию личности будущего художника.

В творческой жизни художника, в его произведениях запечатляется непреодолимый бег времени, яркие черты современности. Творчество О. Э. Бернгарда – свердловского живописца не представляет исключения. На каждом его произведении лежит печать времени.

Олег Эдгардович родился в 1909 г., в семье художника. Раннее знакомство с искусством, увлечение музыкой, рисованием помогли формированию личности будущего художника.

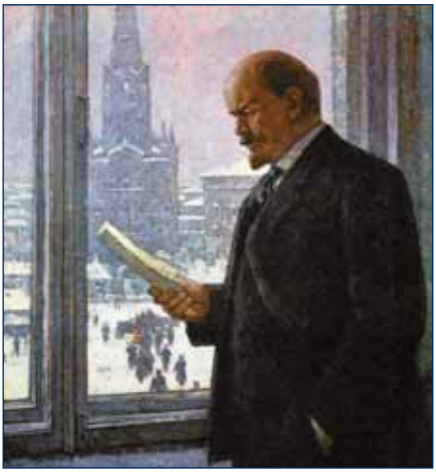
В 1919 году преподаватель Екатеринбургской художественно-промышленной школы Арнольдов, просмотрев показанные ему рисунки Бернгарда, окончательно определил его судьбу – нужно учиться. Так этот чуткий и гуманный человек стал первым учителем художника. Екатеринбургская школа, куда Бернгард поступил в 1924 г. в то время переживала глубокий и острый кризис. Формалистические течения, свойственные молодому советскому искусству, основательно разрушали реалистические методы обучения в школе, поэтому Бернгард вскоре бросает ее, и, познакомившись с Иваном Кирилловичем Слюсаревым, становится его учеником. Арнольдов и Слюсарев много дали молодому художнику, научили его видеть и любить красоту природы.

Но еще больше получил художник от Леонарда Викторовича Туржанского – известного русского художника-передвижника, терпеливо и настойчиво обучавшего Бернгарда умению пользоваться богатейшим арсеналом средств художественной выразительности реалистического искусства.

– Спасибо, большое спасибо этому художнику за его доброе сердце и щедрую душу, – вспоминает сейчас Олег Эдгардович, – он много мне помог. У него я учился пониманию цвета, он заставил меня чувствовать жизнь природы.

С девятнадцати лет Олег Эдгардович участвует во всех художественных выставках, организуемых свердловскими художниками, с каждым годом совершенствуя свое мастерство.

Вначале это были лиричные, несколько камерные этюды, в которых прослеживалось стремление автора к тщательному исследованию изображаемого явления, к наиболее правдивому выражению его сущности, правда, пока еще через внешние формы изображаемого, но постепенно от внешнего, описательного изображения природы художник переходит к более глубокому ее постижению. Искренне и страстно любя природу Урала, Олег Эдгардович стремится и показать ее во всем многообразии. Его произведения не блещут яркостью живопи-



си, необычностью и новизной композиции, они просты и скромны, как сама природа. Но в этом и кроется их неувядаемая прелесть – они трогают сердце русского человека своей теплотой и правдивостью. Но Бернгард не только пейзажист. Еще в тех рисунках, которые задумчиво и пристально рассматривал Арнольдов, преобладали батальные сцены, благородные подвиги рыцарей и мушкетеров, сквозь ткань детских рисунков сквозил свет доброты и благородства человека.

Человек никогда не выпадал из поля зрения художника. К его изображению он шел трудными путями упорного, настойчивого исследователя. Думаю, что и тогда, в самом начале творческого пути, художника волновали образы людей, сутью которых была твердая, непреклонная воля к борьбе. Постепенно, с завидным упорством, без помощи и руководства ищет художник свою дорогу к человеческой душе, к тугому сгустку человеческих чувств. Как их выразить рисунком и цветом? Так, ко второй Зональной выставке художник пишет картину «Уходили комсомольцы». Наиболее ярко запечатлевшийся в памяти сюжет из жизни революционного Екатеринбурга всплыл в памяти художника во всех своих подробностях. И комсомольцы – такими, какими они и были: трогательно просты и суровы, скромные и мужественные, беззаветно преданные идеалам революционной борьбы. Картина отмечалась в печати, была тепло встречена зрителем. Закончив эту картину, Олег Эдгардович сразу же приступил к новой картине «Утро страны Советов», которую уже давно вынашивал в своих мечтах. Ленин у окна своего кабинета. За окном рассвет и Москва, Россия. Рассвет над Россией, разбуженной Лениным. Лицо Владимира Ильича сосредоточено и мудро, в нем выстраданная в борьбе удовлетворенность и спокойствие. Можно сказать – новый расцвет творчества художника. И это будет правда. Пройдите по выставке и вы убедитесь: художник в пейзаже достиг многого, он оправдал надежды своих учителей – достойно продолжал их дело. Но он не остановился на достигнутом и пошел дальше. И новый его путь – путь певца человеческой доброты и мужества, любви и ненависти – будет трудным. Пожелаем ему новых творческих свершений на благо и процветание советского искусства!

Директор
Свердловской картинной галереи
Я. Шаповалов. 1 февраля 1970 г.

ИЗ КАТАЛОГОВ
ЗАРУБЕЖНЫХ ВЫСТАВОК
Италия, Турин (1991 г.)

ARTE SOVIETICA

REALISMO SOCIALISTA

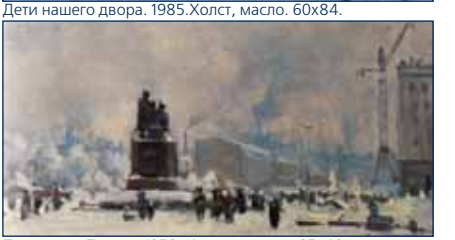
1930/1980

BERNGARD OLEG

GALLERIA MD DATRINO

CASTELLO DI TORRE CANAVESE

Дети нашего двора. 1985.Холст, масло. 60x84.


Площадь в Тагиле. 1958. Картон, масло. 25x48.

В порту Сочи. 1959. Картон, масло. 24x52

В далекой тундре. 1965. Картон, масло. 21x45.

Венесуэла, Каракас (1992 г.)

FOUNDATION OF SOCIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA «RESURRECTION»

LEASING COMPANY «POLIFORM»

JOINT VENTURE «UNIVERSAL ART»

Oleg BERNGARD

CATALOGUE OF EXHIBITION JUNE, 1992 CARACAS

ART OF RUSSIA

FROM SOCIALIST REALISM TILL TODAY

Весна на Урале. 1989. Картон, масло. 49x69.

Шестая домна. Тагил. 1979. Картон, масло. 34x40.

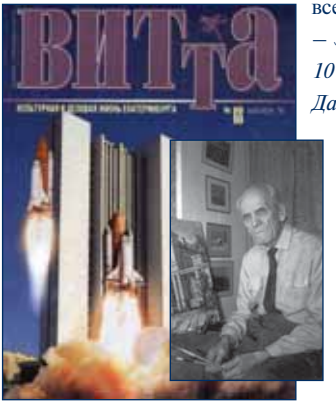
На Урале. 1983. Картон, масло. 50x70.

СТАРЫЕ ИСТОРИИ НОВЫХ КАРТИН

Леонид и Татьяна Орловы, галерея ДА, где выставлены две картины «Дом Ипатьева» (1992 г. и 1997 г.), подготовили это интервью с О.Бернгардом накануне трагической даты русской истории — 80-летия со дня расстрела царской семьи в Екатеринбурге.

– Летом 1918 года Вы с мамой жили неподалеку от дома Ипатьева. Знали ли вы, что в этом доме находилась под арестом царская семья, или это было тайной?

– Дело в том, что, во-первых, тогда мне было лет девять, и мы в этом возрасте как-то не особенно вникали в такие вещи. Только я помню единственное – что этот дом был за большим высоким забором, кое-как сколоченным, по углам, помнится мне, вооруженная охрана стояла, и пулемет на крыше был. А так, вообще, «Дом» совершенно не обсуждался в те времена. Видимо, все-таки, это было секретное дело и держалось все в тайне...



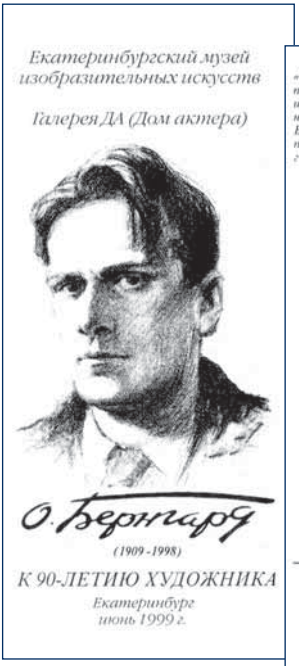
– Эта Ваша первая картина «Дом Ипатьева» находится уже 10 лет в галерее известного европейского коллекционера М. Датрино в Италии, в его старинном замке XII века. А в нашем домашнем собрании — другой, более поздний вариант. На нем рядом с домом изображены, скажем так, дедушка и внучка. Такой вот стаффаж. А сейчас у вас на мольберте третий вариант, совсем отличающийся от предыдущих. Отчего так?

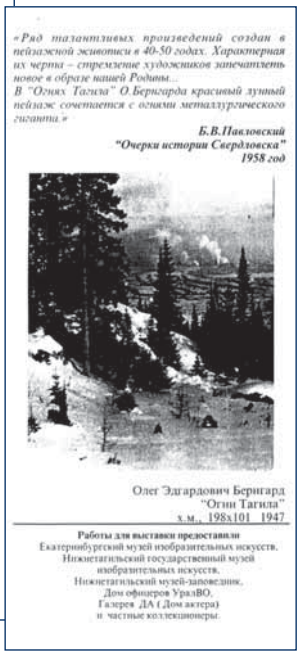
– Да я уже говорил, что общественный интерес к этому дому все больше становился. Вот у меня тот вариант с дедушкой и внучкой, как вы его называете, и появился. А сейчас я уже опять, может быть, вспоминая далекие годы, изображаю дом тех дней, когда свершилась трагедия. Караул кругом красноармейский, пулеметы и забор. Вот он здесь с левой стороны торчит...

– Где Вам, автору, видится место для картины «Дом Ипатьева»? Скажем, в резиденции нашего губернатора, в историко-краеведческом музее, в восстановленном доме Ипатьева или в коллекции президента Б.Ельцина? А, может быть, в коллекции М.Ростроповича или у представителей дома Романовых?

– Откровенно говоря, вы ставите меня даже в неловкое положение. А вдруг мое пожелание будет расценено по меньшей мере как нескромное. Ну, а на самом деле я не против, чтобы эта картина (если еще она у меня получится) была в нашем краеведческом музее. Все-таки какое-то напоминание о тех страшных днях.

Выставка
к 90-летию О.Бернгарда




«Ряд талантливых произведений создан в пейзажной живописи в 40-50 годах. Характерная их черта – стремление художников запечатлеть новое в образе нашей Родины...
В "Огнях Тагила" О.Бернгарда красивый лунный пейзаж сочетается с огнями металлургического гиганта.»

Б.В.Павловский
"Очерки истории Свердловска"
1958 год

Олег Эдгардович Бернгард
"Огни Тагила"
х.м., 198х101 1947

Работы для выставки предоставили
Екатеринбургский музей изобразительных искусств,
Нижнетагильский государственный музей изобразительных искусств,
Нижнетагильский музей-заповедник,
Дом офицеров УралВО,
Галерея ДА (Дом актера)
и частные коллекционеры.

Юбилейную выставку, задуманную еще вместе с Бернгардом, почитатели таланта художника готовили, к сожалению, уже без него. На выставке впервые так широко представлено творчество Мастера: от ученических этюдов, исправленных рукой Арнольдова, Слюсарева и Туржанского до работ последних месяцев жизни.

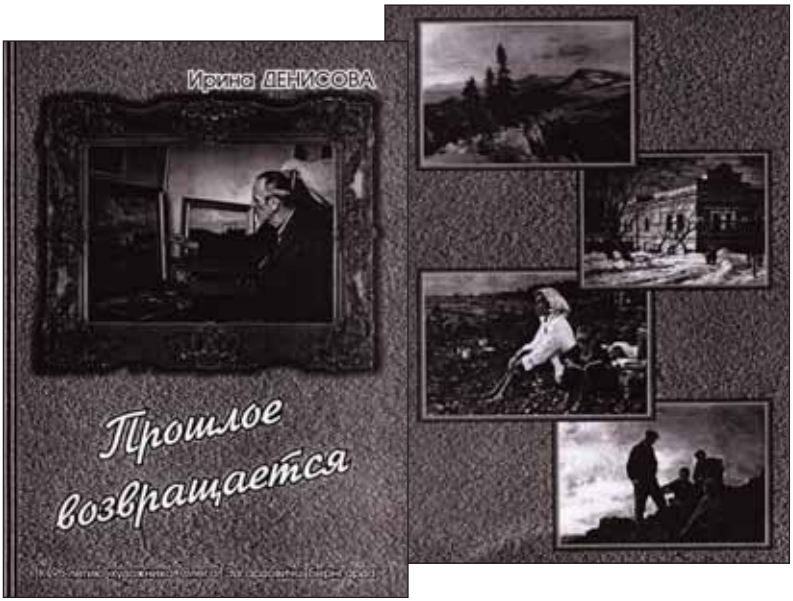
Проследить судьбу всех работ Бернгарда практически невозможно. Одно можно сказать – они будут передаваться по наследству из поколения в поколение как большая ценность.

Живописную манеру художника можно характеризовать как сдержанную, может быть даже чуть холодноватую Впрочем, таким он был и в жизни. В лесных пейзажах часто повторяется один мотив – кусочек далекого неба в обрамлении застывших зимних ветвей деревьев или густой осенней листвы. Возможно, этот мотив символичен. Редко кто из художников берется писать листву деревьев с предельно близкого расстояния. Многие картины и этюды Бернгарда – попытка заглянуть вглубь леса. Крупные смелые мазки на переднем плане и мелкие, аккуратные на дальнем. Обычно делают наоборот. Но это отступление от неписаного живописного канона не бросается в глаза, поскольку в работах Бернгарда есть жесткая внутренняя логика.

Бернгард попал в город на Урале, когда он назывался Екатеринбургом, жил в нем, когда он был Свердловском, видел, как взрывали соборы и строили Городок чекистов. И вот город вновь называется Екатеринбургом, в нем строят и восстанавливают церкви, а конструктивистские постройки становятся памятниками архитектуры и приходят в упадок. Юбилейная выставка О.Э. Бернгарда – последнего из могикан знаменитой московской школы, жизнь и творчество которого вобрали в себя опознавательные знаки российской жизни уходящего века – дань памяти Художнику.

Елена Багина, для буклета выставки

Книга «Жил-был художник», изданная в Н.Тагиле к 90-летнему юбилею художника.



Книга «Прошлое возвращается», изданная в Н.Тагиле к 95-летнему юбилею художника.

История с натуры

Возможно, жизнь этого художника когда-нибудь станет сюжетом художественного произведения — перипетии его судьбы достойны романа или фильма, так неожиданно и тесно сплелась его личная история с историей бурного двадцатого века.

Очевидно, у его родителей с самого начала не было сомнений: одаренный мальчик не мог не стать либо художником, либо музыкантом. К тому же год его рождения был богат на события, коренным образом повлиявшие на ход развития мировой культуры: в Париже начались дягилевские «Русские сезоны», московский коллекционер и меценат Сергей Щукин заказал Матиссу знаменитые ныне панно «Танец» и «Музыка», а в самом Мюнхене появилось «Новое объединение художников», созданное Кандинским, Мюнтером и Явленским... Художественная жизнь здесь била ключом, однако судьбе было угодно, чтобы вся долгая жизнь художника прошла вдали от европейских культурных «гейзеров». Талант Бернгарда развивался в иных условиях — под уральским небом, в краю заповедных далей и дымящихся металлургических гигантов.

Бернгарду пришлось работать в те времена, когда от художников ждали известных обобщений и изображения вполне конкретных жизненных типов, когда приветствовали лишь тех, кто «изучает жизнь на новостройках, в колхозах, на ГЭС». Но, по большому счету, самым значительным вкладом Бернгарда в искусство стал все-таки пейзаж – индустриальные панорамы металлургических заводов, рудников, шахт, монументальная романтика кряжистых уральских гор и хвойных лесов.

И не случайно, ведь оба учителя Бернгарда, И. К. Слюсарев и Л. В. Туржанский в особенности, были большими мастерами пейзажа. Занятия со Слюсаревым чаще всего сводились к тому, что они вместе отправлялись на этюды. Иван Кириллович и представил Олега известному мэтру пейзажа Туржанскому, с просьбой взять парня в ученики. Работа с Туржанским

началась с того, что Олег вставал рядом с Леонардом Викторовичем прямо в ограде его дома и писал то же самое. И снова этюды, этюды, этюды. Одно время ученик настолько «приспособился писать под него», что учитель даже стал посмеиваться: «Выучил на свою голову». И все-таки это была отличная школа, пробудившая в Бернгарде пейзажиста, который со временем обрел свою собственную манеру и почерк. Его, в отличие от Туржанского, который жаловался ученику, что трактор писать не может — «железина и железина, то ли дело коровенки, лошадки», — не пугали заводы, трубы, дымы. Более того, в тридцатые годы, когда получил распространение жанр изобразительного репортажа, под влиянием своего друга и сверстника Николая Аввакумова Бернгард увлекся графикой, и вместе они ежедневно ходили на зарисовки на строительную площадку Уралмаша. Зараженный энтузиазмом строителей завода и размахом происходящего, художник сделал энергичные рисунки, живо и непосредственно передающие кипучую атмосферу большой стройки.

Индустриальные пейзажи Бернгарда вызывают, пожалуй, наибольший интерес нынешнего зрителя – ведь в них историческая достоверность и живописное мастерство равноправны, а характерная для эпохи тяга к эпичности естественным образом сочетается с чисто уральскими пластикой и колоритом, оставляя ощущение подлинности.

Так с натуры художник Олег Бернгард весь свой век — а он прожил без малого девяносто — без устали писал историю. Историю, которая была частью и нелегким условием его собственной жизни.

Елена Крживицкая,
журнал «Уральские авиалинии», май, 2004 г.

СОБРАНИЕ МУЗЕЯ
художников Екатеринбурга

Однажды Салават Фазлитдинов (директор «Уралпостера») договорился со старейшим уральским художником Бернгардом посмотреть его картинки. Приехали мы к Бернгарду, он начал показывать нам свои старые этюды. Я удивился – это было то, что я хотел увидеть всю жизнь! Причем этюды Бернгарда мне понравились значительно больше, чем законченные картины. Бернгард был очень плох по здоровью, тем не менее работал и строил планы на будущее. Он много нам рассказал о своих учителях, старых художниках Слюсареве, Волкове, Сазонове. Мы купили у него практически все этюды – больше тридцати. Самая старая работа датировалась 1928 годом. Один из этюдов назывался «Завоеватель», – работа мастерская. Гитлеровец, полузасыпанный снегом, и возле него ворона (датируется 1943 годом). Я зачем-то показываю эту картинку всем немцам. Через два месяца художник Бернгард умер. Брусиловский отзывался о Бернгарде очень высоко.

Евгений Ройзман

Журнал «Урал», №7, 2004

ПИСАЛ ПРИРОДУ И СТРОЙКИ ТАГИЛА

Областная Газета
№ 165 от 6 июня 2009 г.

К 100-летию со дня рождения известного уральского художника ОЛЕГА БЕРНГАРДА в Нижнетагильском музее изобразительных искусств была экспонирована выставка его живописных произведений, хранящихся в музейной коллекции и отражающих творческие искания и пристрастия художника.

Бернгарды переселились в Россию в далекие (или в петровские, или в екатерининские) времена. Их род дал России архитекторов, инженеров, художников, музыкантов. Достойным представителем этого рода стал живописец О.Бернгард.

В годы войны как лицо немецкой национальности Бернгард испытал на себе всю беспощадность советского правящего режима – он становится «спецпереселенцем» – «человеком, лишенным человеческих прав», и направляется на местожительство в Нижний Тагил. Но в условиях «несвободы» (а без свободы нет жизни, и творчество несостоятельно) О.Бернгард был не только полон творческих планов, но и пытался реализовывать свои художнические амбиции. Отличаясь безграничной преданностью искусству, Бернгард писал картины до последних своих дней.

Олег Бернгард – натура артистическая. Он стал признанным художником, членом СХ СССР, фигурой заметной в творческих кругах Урала, участником многих выставок. Но все начиналось с детства – Олег любил рисовать – делал это всегда и везде, увлекался музыкой (даже закончил один курс музыкального училища по классу виолончели). Но тяга к художественному творчеству, потеснившему все остальные занятия, была сильнее: помимо учебы в художественном училище, он брал уроки у известных художников. Став зрелым мастером, Бернгард работал в основном в станковом искусстве, но помимо этого выполнял монументальные росписи в интерьерах общественных зданий, пробовал себя как театральный художник. И еще – О.Бергнгард преподавал живопись и рисунок в Уральском училище прикладного искусства, много сделал для становления Нижнетагильского

Панорама Новотагильского металлургического завода. 1948. Холст, масло. 77х120

музея искусств...

Творчество О.Бернгарда отражено в собрании музея пятнадцатью живописными произведениями 1940-х-начала 1960-х годов. Среди них нет исторических полотен, картин наполненных пафосом трудовых будней. Но есть самое главное, что стало смыслом жизни и творчества художника, есть ПЕЙЗАЖ...

Весной на реке Уфе. 1958. Картон, масло. 50,5х70,3

Плотно, густо ложатся на плоскость небольших по размеру картонов энергичные цветовые мазки, складывающиеся в гармоничный цветовой образ. Это та серия пейзажей-этюдов, которая была создана в 1944 году и показана на выставке в музее. В работах, выполненных Бернгардом в те годы, есть та жизненная достоверность изображения, которая стала этической и эстетической основой созданного художником, есть авторское свидетельство – особая конкретность места, точно обозначенного в названиях. Художник много писал сам Тагил и его живописные окрестности – так появились сотни этюдов. На них Тагил 1940-х со своим историческим обликом: с петляющими, демидовских времен улочками центра города, исчезнувшими или изменившими сегодня свой облик, нетронутыми уголками окрестностей Тагила, знаковыми для горожан местами – Тагильский пруд, Лисья гора, домики Гальянки... В этих этюдах художник оставил нам не только документальную примету, но и ее образное решение. Краски в его этюдах, как правило, земляного ряда, вторящие природным краскам Урала. Небольшие по размеру они наполнены самой жизнью, ее драматизмом. Так учили Бернгарда его наставники – уральский художник И. Слюсарев, но более всего – известный, художник-передвижник, наставник и великолепный мастер этюда Л.Туржанский, наезжавший из Москвы летом в Малый Исток, что под Екатеринбургом. Он терпеливо и долго обучал юношу, в котором заметил искру таланта, любви к природе, чувству цвета, непосредственности восприятия и передаче состояния природы, языку художественной выразительности, пониманию самоценности натурного этюда. От Туржанского идет любовь Бернгарда к изображению, казалось бы, ничем непримечательных мест. И хотя писать этюды «спецпереселенцу» было совсем непросто, так как передвижения по городу были запрещены, тот садился на мотоцикл и отправлялся на природу, где свободно «дышится». Таким непреодолимым было его желание «этюдничать»!

Бернгард был послушным учеником натуры. Им все познавалось на этюдах. Он никогда не стремился изображать мир идеальной природы. В его работах есть неутомимое дознание «чем живет природа?» Он ничего не открывал заново – его призванием было

передавать полно и правдиво видимое – верность тона и гармонию цвета, такие сложные в природе, соотношение света и тени, смену состояния и ее внутреннюю жизнь.

Художник много писал на реке Чусовой, на Северном и Южном Урале. Его волнует природа в своей первозданности и неповторимости мотива. Нередко в творчестве художника этюд приобретал значение законченного произведения, в котором проступало глубокое душевное начало. В лесных пейзажах, первый план которых дан крупными мазками, по-туржановски, дальний – написан легко и тонко, художник часто использует композиционный прием, уводящий зрителя вглубь леса, вызывая тем самым чувство сопричастности с окружающим миром. Часто в картинах художника присутствует мотив весеннего пробуждения – пробуждения новых сил, новой жизни – это ли не есть признак оптимистического мировосприятия!

Как изобразительный репортаж можно рассматривать работы Бернгарда, отражающие будни стройки тагильского промышленного гиганта. Возведенные цехов и конструкций металлургического комбината вдохновили мастера на создание картины «Новотагильский завод» 1948 и нескольких этюдов строящейся 3-ей домны.

Этапным произведением художника стал показанный в 1948 году на выставке в Нижнетагильском музее искусств и впоследствии вошедший в его коллекцию пейзаж «Огни Тагила». Картина, сочетающая в образе эпичность и романтику, обратила внимание всех не только высоким профессионализмом, но и четко обозначенной проблемой, отражающей авторскую позицию. Именно таким во время прогулки в один из поздних вечеров был увиден художником Тагил – вдали рабочий город с огнями и конструкциями металлургического комбината. Но на авансцену вышла природа – она вечна в своей силе, спокойствии, величии, в своей красоте и первозданности. Здесь предопределены настоящие ценности, за которыми стоит гармоничное сосуществование природы и человека.

Пожалуй, цельность художественного наследия О.Бернгарда заключена не столько в манере автора, способах выражения мысли, сколько в типе мировосприятия, которое стало творческой и человеческой позицией художника.

Произведения Олега Бернгарда уже стали наследием – но они ценны не только временем создания, а, прежде всего тем, что в них есть особая информация – есть история, память, эмоциональные проявления автора и, наконец, его мироотношение...

Лариса Смирных,
Главный хранитель Нижнетагильского музея изобразительных искусств

Дом на Гальянке. 1954. Картон, масло. 31х47

КОНВЕРТЫ ПЕРВОГО ДНЯ

К 100-ЛЕТИЮ О.БЕНГАРДА

Выставка к 100-летнему юбилею художника Олега Бернгарда откроется в предстоящие выходные в Екатеринбургской галерее современного искусства. В собрании галереи находится две работы Олега Бернгарда — «Зимняя сказка» и «Весна идет».

Одно из событий состоится завтра, 6 июня, — гашение специальным штемпелем юбилейного конверта, посвященного 100-летию со дня рождения художника. Специально к этой дате были изготовлены почтовые конверты с репродукциями картин Олега Бернгарда, которые уже находятся в свободной продаже.

Генеральный директор Екатеринбургской галереи современного искусства Екатерина Хотинова отмечает, что Олег Бернгард стал одним из основателей традиции художественного образования второй половины XX века на Урале. Он воспитал многих известных уральских живописцев и художников-преподавателей середины прошлого века.

Олег Бернгард родился в Мюнхене в семье польской пианистки Ванды Тшаска и художника из Петербурга Эдгара Бернгарда, совершенствовавшего свое мастерство в Германии. После начала первой мировой войны семья вынуждена была уехать сначала в Петербург, а затем в Екатеринбург. В 30-е годы прошлого века по проектам Бернгарда перестроено здание для Уральского геологического музея, оформлен свердловский «Пассаж». Олег Бернгард участвовал в создании нижнетагильского Музея изобразительных искусств и художественного фонда, сотрудничал с нижнетагильским краеведческим музеем, оформлял спектакли в театрах. Работы художника находятся в музеях и частных собраниях России, Англии, Франции, Италии, Чехии, Канады, Австрии, Германии, США.

«Зимняя сказка», картон, масло, 40х39 см, 1992 г.

«Весна идет», холст, масло, 70х50 см, 1996 г.

ВЕК ХУДОЖНИКА ДОЛЬШЕ ВЕКА

Вечерний Екатеринбург
9 июня 2009 г

Вчера в Доме актера открылась выставка работ Олега Бернгарда, посвященная 100-летию известного екатеринбургского художника.

Галеристы Татьяна и Леонид ОРЛОВЫ представили на вернисаже около 40 работ — из своего собрания, из других частных коллекций. Картины, эскизы, печатная графика, документы, фотографии разместились в трех гостиных старинного особняка. На вернисаж приехала и вдова художника Ирина Николаевна ДЕНИСОВА, автор двух книг о жизни и творчестве Бернгарда — «Жил-был художник» и «Прошлое возвращается».

Дом актера неслучайно стал площадкой юбилейной экспозиции. Не только потому, что Орловы были лично знакомы с Олегом Эдгардовичем, устраивали его персональные выставки памяти и пять, и десять лет назад и тоже здесь. Кстати, и последнее интервью взял у художника именно Леонид и опубликовал. А еще и потому... Впрочем, слово Леониду Орлову:

— В этом самом доме, в комнате, где сейчас располагается гардероб, в военные 1941-1942 годы три художника – Виктор Зинов, Петр Караченцов (отец известного актера) и Олег Бернгард работали над рисунками для «Окон ТАСС». Сделав очередные работы, они, торопясь, перебегали площадь и размещали их в «Окнах...», которые, в свою очередь, были выставлены на обозрение горожан там, где позже выросло здание администрации города. Это нам рассказывал Олег Эдгардович, побывав вновь в особняке на 8 Марта, 8, который уже стал тогда Домом актера...

Автопортрет. 1930-е годы.

На старых фото — удивительно красивый и высокий молодой человек рядом со своим знаменитым учителем Леонардом Туржанским, с мольбертом на траве у реки... Забавный документ, датированный 1929 годом, – свидетельство о первом месте работы художника: краскотер декорационных мастерских Театра оперы и балета. Надо же - «краскотер»! Снимок из довоенных 30-х тоже вызывает улыбку. В солдатском «красном уголке» прислонились к стене гитары, а все тот же молодой и красивый, но не в модной кепке – уже в

Ирина Николаевна ДЕНИСОВА, вдова художника, специально приехала из Москвы на вернисаж.
Фото Евгении Лялиной

красноармейской форме – старательно перерисовывает на холст обнимающихся Сталина и Ворошилова.

Сколько же «портретиков» вождей разного калибра сделал Бернгард, очутившись в Тагиллаге!.. Вдруг в разгар войны «органы» вспомнили, что художник-то хоть и русский, а все-таки немец.

В 1953-м русский художник, немец Бернгард вернулся в Свердловск. И продолжал всю жизнь делать то, чему учили его Иван Слюсарев и Леонард Туржанский: писать природу, не украшая ее придуманной красотой, а глубоко чувствуя и передавая живописью ее реальную прелесть. И учил многих и многих – тех, кто сегодня, вспоминая Олега Эдгардовича, называет его своим Учителем.

Он создавал замечательные пейзажи Урала, обессмертил любимые места в Малом Истоке. Сегодня любой может прийти в Дом актера и посмотреть снег Бернгарда, деревья Бернгарда – в зелени и в «золоте», серые камни, которые под его кистью такие же живые, как и река между скал. «И дольше века длится день...» – все длятся и не кончатся никогда эти дни природы на его пейзажах.

...На снимках конца XX века уже старый человек, но от его лица не оторвать глаз, как и от того, молодого и красивого. Порода – старомодное слово, определяющее благородство внешности, и она с возрастом не исчезает, наоборот...

Екатерина ШАКШИНА

МАСТЕР ЛИРИЧЕСКОГО СОЗЕРЦАНИЯ

УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ
Выходит с 14 февраля 1907 года
24 июня 2009 г

«Россия – страна пейзажей, – сказал когда-то Иван Иванович Шишкин, – и новому поколению художников еще предстоит понять, что пейзаж у нас имеет самую лучшую будущность, потому что другие виды живописи были и устарели, а этот только нарождается».

Знал ли, чувствовал ли свое предназначение мальчик по имени Олег, когда в 1915-м пересекал границу «Российской империи», въезжая вместе с родителями в незнакомую и холодную страну, в которой уже, будто лава в вулкане, вскипали революционные волнения? Он смотрел из окна поезда на черно-белые зимние равнины, столь отличные от уютных немецких и швейцарских ландшафтов, к которым так привык. Понимал ли он, что отныне эти пейзажи, проникнутые особым, непонятным очарованием, станут его судьбой во всех смыслах этого слова? И что постижению тайны этого очарования он посвятит долгие годы своей жизни.

Наверно, мы слишком многого хотим от маленького мальчика. Пока что он вместе со своей мамой, знаменитой польской пианисткой Вандой Аниела Тшаской и отцом, театральным художником Эдгаром Бернгардом еще только подъезжают к Санкт-Петербургу, тогдашнему Петрограду.

В Петрограде они пробыли недолго. В один прекрасный день Ванда вдруг сообщила сыну;

— Мы с тобой уезжаем на Урал.

Так маленький Олег, поселившийся с матерью на Вознесенской улице, оказался рядом с объектом одного из будущих своих живописных сюжетов. Однажды, гуляя, мальчик увидел странный дом. Он стоял под раскидистыми тополями за высоким, грубо сколоченным забором. А с крыши за прохожими наблюдал глазок пулемета. Вокруг Ипатьевского дома уже вовсю роились слухи, хотя Уралсовет и прилагал все старания, чтобы держать в секрете пребывание в Екатеринбурге царской семьи. Пройдет много

Уральские горизонты. 1950-е. Холст, масло. 84х130.

лет и Олег Бернгард напишет целую серию работ, посвященных этому дому.

Но, конечно же, особенно значимым станет его вклад в развитие уральского пейзажа. Самое яркое свидетельство тому – картина «Огни Тагила», написанная в 1947 году. Она стала сенсацией.

Огни Тагила. 1959. Холст, масло. 60х50.
Екатеринбургский музей изобразительных искусств

«Огни» поражают и сейчас. Бернгарду удалось передать тот неуловимый миг, когда вечер переходит в ночь. Передний план, где опушенные снегом деревья, облитые холодным светом луны, прекрасно оттеняют величавую панораму города, не засыпающего ни на час. Здесь Олегу Бернгарду удалось совместить оба стиля классического уральского пейзажа: индустриальные будни на фоне вечного, монументального природного ландшафта. Так создавалась эта «формула» уральского пейзажа, отличного от более лиричных, поленово-левитанских.

Самодостаточность этого жанра Бернгард будет отстаивать всю жизнь. Масштабный лирический пейзаж – это будет его конек, его главное послание миру. Среди них «Урал» занимает особое место. Глядя на него, я в очередной раз убеждаюсь, что мы недооцениваем нашу природу. В его зеленый, шумящий и шелестящий мир входишь легко и свободно, будто в гости к давнему другу.

Здесь легко дышится. Здесь начинаешь понимать, зачем была создана эта земля, так щедро одарена, так талантливо украшена. Не только для того, чтобы мы суетились среди этого великолепия, изничтожая его своей активной деятельностью, но, быть может, еще и для того, чтобы однажды около тихой заводи встал серьезный человек с этюдником и быстрыми, уверенными мазками набросал портрет этого чудесного уголка, тем самым подарив ему право на вечность, а потом в углу размашисто поставил свою подпись.

Светлана Долганова

ВЫСТАВКА ОЛЕГА БЕРНГАРДА

к 100-летию художника Екатеринбург, Дом актера

Летний день. 1955. Картон, масло. 31х46.

Летом. 1987. Картон, масло. 35х47.

Заброшенная деревня. 1989. Картон, масло. 50х80.

Сосна. 1950-е. Картон, масло. 47х31.

Избушка охотника.1957. Холст, масло.31х47.

Осенний денек. 1991. Картон, масло. 33,6х49.

Весна идет. 1991. Картон, масло. 35х49.

Бурный день. 1992. Картон, масло. 25,2х39,6.

Пробуждение. 1964. Картон, масло. 48х63.

Демидовский Тагил. 1944. Картон, масло.31х44.

Зимой в лесу. 1992. Картон, гуашь, темпера. 34х48.

Хмурый день. 1963. Картон, масло. 30х68.

На берегу Тагильского пруда. 1958. Картон, масло. 23,5х40,5.

Урал.1980. Картон, масло. 50х70.

Первый снег. 1992. Картон, масло. 35х49,3.

Зимка. 1950-е. Картон, масло. 46х32.

Март. 1995. Картон, масло. 50х35.

Палатки в лесу. 1963. Картон, масло. 32х47.

Деревенский двор. 1960-е. Картон, масло. 17х42.

Золотая осень. 1960-е. Картон, масло. 46х30.

Тихий вечер. 1953. Картон, масло. 17х25.

Натюрморт. Эскиз к картине «На родной земле». 1985. Картон, масло.40х50.

Из частного собрания В.М.Кузина

Весенний день.1992. Картон, масло. 35х50.

Зимой на Урале. 1991. Картон, масло, 31х49.

Летом. 1993. Картон, масло. 50х70.

Летний полдень. 1992. Картон, масло. 35х50.

Дорога на Сысерть. 1959. Картон, масло. 17х45.

Бабье лето. 1992. Картон, масло. 35х50.

Русь. 1993.Холст, масло. 50х80.

На берегу озера. 1957. Картон, масло. 25х35.

Солнечная поляна. 1979. Картон, масло. 25х35.

Урал. 1992. Холст, масло. 50х70.

Из частного собрания В.В. Мишарина

Приполярный Урал. 1985. Картон, масло. 13х27.

Осенний мотив. 1992. Картон, масло. 33х39.

Из частного собрания С.П. Гамова

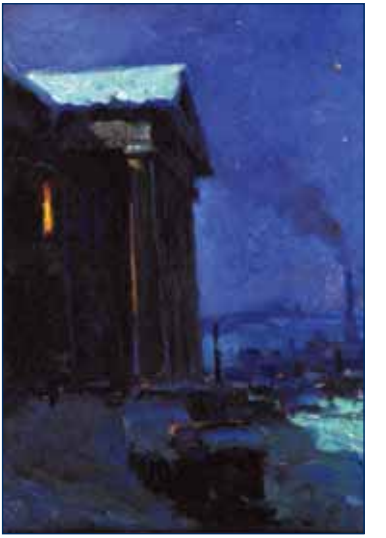
Первая зелень. 1987. Картон, масло. 20х30.

Весна. 1950. Картон, масло. 31,5х50.

Нижнетагильский музей изобразительных искусств

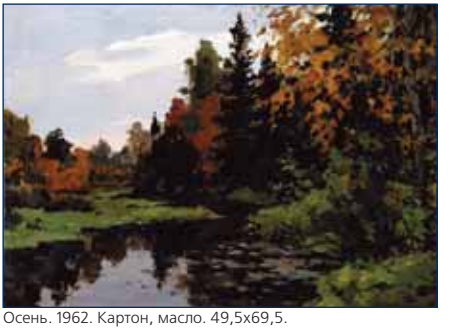
Морозный день. 1944. Картон, масло. 22x31,4

Окраина Тагила. На вершине Лисьей горы. 1944. Картон, масло. 22,2x31,4



Нижний Тагил. Горсовет. 1944.Картон, масло. 31x23

Окрестности Тагила. Ключики. 1944. Картон, масло. 22x31,4



Осень. 1962. Картон, масло. 49,5x69,5.

Старый и новый Тагил. 1945. Бумага, масло. 62,8х75,5

Снег. Вт. Пол. 1940-х. Картон, масло. 28х34

Урал. Весна. Конец 1940-х. Холст, масло.86х119

Тагильский пруд. 1944. Картон, масло. 22,2х32

Панорама Новотагильского металлургического завода. 1948. Холст, масло. 77х120

Екатеринбургский музей изобразительных искусств

Каупера. 1930. Бумага, смеш. техника. 29х46,6.

На Чусовой. 1956. Холст, масло. 36х49.

Свердловск. На Шарташе. 1938. Бумага, масло. 14х19.

Прибой. Этюд. 1958. Картон, масло. 24,8х40.

Ветер. 1962. Холст, масло. 50х96,5.

Стройка гостиницы «Большой Урал». 1935. Холст, масло. 61х123.

Из коллекции областного краеведческого музея

На Северном Урале. 1964. Холст, масло. 78х200.

Из коллекции объединенного музея писателей Урала

Общий вид Висимо-Шайтанского завода. 1954. Холст, масло. 40х70.

Фрагменты выставочных экспозиций в Екатеринбурге

Часть экспозиции Екатеринбургского музея изобразительных искусств, посвященная творчеству О.Бернгарда и подготовленная к Гостевому маршруту участников Саммита ШОС.

Делегация министров культуры стран-участниц Саммита Шанхайской организации сотрудничества на юбилейной выставке О.Бернгарда в Доме актера.